

Научная статья
УДК 327.54
ББК 66.4 (4)

DOI: 10.47475/2618-9852-2026-11-2-45-51

ОРГАНИЗАЦИЯ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА КАК МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Демьян Хамитович Саликов

Челябинский государственный университе,
Челябинск, Россия, damian-70@mail.ru

Аннотация. Анализируются причины и предпосылки холодной войны как глобального противостояния между сверхдержавами и их союзниками; рассказывается о причинах появления Организации Варшавского договора как следствия обострения противостояния политических систем в послевоенный период. Показана роль Варшавского договора как гаранта сохранения послевоенных границ и фактора роли СССР как сверхдержавы. Рассмотрены причины — прежде всего культурно-исторического и цивилизационного плана — распада Организации Варшавского договора.

Ключевые слова: *холодная война, баланс сил, национальные интересы, военные блоки*

Для цитирования: Саликов Д. Х. Организация Варшавского договора как международный политический институт // Общество, экономика, управление. 2026. Т. 11, № 2. С. 45–51. DOI: 10.47475/2618-9852-2026-11-2-45-51

Original article

THE ORGANIZATION OF THE WARSAW TREATY AS AN INTERNATIONAL POLITICAL INSTITUTION

Demyan Kh. Salikov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia,
damian-70@mail.ru

Abstract. The article analyzes the causes and prerequisites of the Cold War as a global confrontation between the superpowers and their allies; it describes the reasons for the emergence of the Warsaw Pact as a consequence of the intensification of the confrontation between political systems in the post-war period. The article shows the role of the Warsaw Pact as a guarantor of the preservation of the post-war borders and the role of the USSR as a superpower. The article examines the reasons for the dissolution of the Warsaw Pact, primarily from a cultural, historical, and civilizational perspective.

Keywords: *Cold War, balance of power, national interests, military blocs*

For citation: Salikov DKh. The Organization of the Warsaw Treaty as an International Political Institution. *Society, economy, management*. 2026;11(2):45-51. (In Russ.). DOI: 10.47475/2618-9852-2026-11-2-45-51

Говоря об Организации Варшавского договора (равно как и об Организации Североатлантического договора), нужно помнить о том, что все мировые события по окончании Второй мировой войны, вплоть до распада СССР, проходят под знаком холодной войны. Она, как известно, началась сразу же после разгрома гитлеровской Германии и милитаристской Японии.

О феномене холодной войны написано немало. Более того, появляются работы современных авторов, которые, в частности, констатируют появление «новой холодной войны» в наше время. По крайней мере в Азии [5].

Внимание к этой теме не удивительно. Поколение эпохи международной «разрядки», затем обострения геополитического противостояния СССР и США после начала Афганской войны и взаимных угроз начала 1980-х гг. помнит эти события. Затем — перестройка М. С. Горбачева, распад второй сверхдержавы и партнерство в 1990-е гг. между вчерашними противниками. Жизнь нескольких поколений прошла под знаком холодной войны, которая, на самом деле, часто переходила в «горячую» фазу с человеческими жертвами, количество которых очень близко к числу погибших и раненых в Первую мировую войну.

Холодная война несколько раз ставила человечество на грань полного уничтожения при помощи ядерного оружия (Карибский кризис, обострение международной обстановки начала 1980-х гг.). Внимание к этой теме не ослабевает.

Есть исследования современных российских авторов, которые рассматривают холодную войну с позиций отстранения автора от сторон конфликта [7; 8].

Но больше, конечно, исследований с позиций просоветских — в духе V тома «Истории дипломатии» [1], который вышел в 1974 г. под редакцией главы МИД СССР и члена Политбюро ЦК КПСС А. А. Громько. Эти авторы продолжают линию брежневского МИДа, трактуя события с позиций «мы» и «они», когда политика СССР рассматривается, как правило, только с позитивными оценками, а действия Запада как сугубо экспансионистские, агрессивные и империалистические [10]. И для подобных выводов, безусловно, есть все основания.

Поляризация в годы холодной войны объясняется как результат агрессивного курса западных элит, а действия СССР как сугубо защитная реакция на действия англо-американского империализма. Так, авторы «Новейшей истории России. 1941–2015 годы» отмечают следующее: «Соревнование двух систем, начавшись в 1917 г., перешло в новую фазу, атрибутом которой стала гонка вооружений. В СССР силы и средства были вложены

в ВПК и на поддержку режимов социалистической ориентации. Послевоенный мир погружался в состояние “холодной войны”. Первым сигналом к ней послужила знаменитая речь экс-премьера Великобритании У. Черчилля, произнесенная 5 марта 1946 года в г. Фултоне в присутствии и с одобрения президента США Г. Трумэна. Речь была выдержана в агрессивных тонах и стала прологом к поляризации мира. 13 марта 1946 года в связи с этим Сталин дал интервью корреспонденту “Правды”. В нем он расценивал речь Черчилля как опасный шаг, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество. “По сути дела, — заявил И. В. Сталин, — господин Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны, и господин Черчилль здесь не одинок — у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки”» [6, с. 68].

Есть диаметрально противоположный подход к оценке событий, когда действия СССР и стран «социалистического содружества» рассматриваются вполне в духе Фултонской речи У. Черчилля — как проявления имперской великодержавной политики, которая стала обузой для развития общества и в итоге погребла СССР [2, с. 499]. Представитель этого подхода делает в своей книге следующий итог глобальному противостоянию между СССР и Западом: «Горбачевское “новое мышление”, несмотря на все его заблуждения, сделало одно доброе дело: оно обеспечило мирный конец одному из самых затянувшихся и опасных противостояний нашего времени. Огромная, годами копившаяся военная мощь СССР оказалась ненужным придатком к изношенной советской системе. Самолеты, танки и ядерные ракеты, в конечном счете, остались ржаветь на базах потому, что заржавела вера в коммунистическую идею, пропала политическая воля в советской правящей элите. Горбачев и те, кто его поддерживал, не были готовы проливать кровь за дело, в которое они уже не верили, за империю, в которой они уже не видели никакой пользы. Вместо того чтобы сражаться за свое существование, советская социалистическая империя, вероятно, самая необычная империя в современной истории, просто покончила с собой [2, с. 499].

Мы привели эти пространные цитаты для того, чтобы показать, сколь противоположные мнения до сих пор вызывает — и будет вызывать — тема холодной войны.

Итак, вернёмся к событиям, ознаменовавшим начало холодной войны. Как известно, разногласия между союзниками по антигитлеровской коалиции были всегда. И по мере приближения краха врага

противоречия между СССР и западными демократиями, на время ушедшие на второй план, стали давать о себе знать.

Чтобы охарактеризовать послевоенную ситуацию в мире, напомним лишь несколько фактов. Не будем говорить о Фултонской речи У. Черчилля, которая знаменует начало этой фазы геополитического противостояния между Западом и Востоком. По сути, в Фултоне не было сказано ничего принципиально нового. Еще в 1831 г. А. де Токвиль писал о борьбе между Западом и Россией, борьбе между демократией и индивидуализмом и монархизмом (деспотизмом) и коллективизмом [8, с. 175–176; 9].

Вспомним речь И. Сталина о неизбежности войны между капиталистическими и социалистическими странами. Вспомним тезис А. Жданова о «двух лагерях».

И речь Черчилля о неприкрытом экспансионизме СССР, и слова Сталина в его выступлении перед Верховным советом о неизбежности новой войны (февраль 1946 г.), тезис Жданова и т. п. означали новый виток противостояния, который известен как холодная война. Человечество отныне десятилетиями жило в ожидании возможности не просто новой, но термоядерной войны.

Символом этого глобального противостояния были два блока — НАТО и Варшавский договор. Были и СЕНТО и СЕАТО, но мы понимаем их второстепенную, хотя и важную региональную роль на фоне двух названных организаций.

Но прежде еще несколько фактов, которые были поводами для обострения отношений между бывшими союзниками и которые привели к заключению Североатлантического альянса, а затем и договора в Варшаве как реакции на появление НАТО.

По мнению современного российского историка О. Ю. Пленкова, «советские действия сразу после войны были действительно напористыми, если не сказать, агрессивными» [8, с. 177].

Так, еще в августе 1945 г. СССР потребовал от Турции отказа от конвенции Монтре (1936 г.), что означало бы фактический контроль Москвы над проливами и самой Турцией.

В Греции были все шансы прийти к власти коммунистам, которые в итоге проиграли гражданскую войну в этой стране. Но представим себе ситуацию для западных стран, если бы там пришли к власти коммунисты и в этой стране появились бы советские военные базы.

Гражданские войны шли в Китае, Корее. Антиколониальная борьба происходила в Индокитае, Северной Африке, Индии.

Серьезные претензии Москва предъявляла к Персии, что не могло не напугать Лондон.

Наконец, во всех странах Восточной Европы, за исключением Чехословакии (до 1948 г.) — говорил Черчилль в своей речи — установились режимы, противоположные демократии.

Влияние Москвы в регионе, присутствие советских войск в Восточной Европе воспринимались западными демократиями как начало реализации желания Сталина подчинить всю Европу.

В феврале 1946 г. из Москвы в Вашингтон отправляется «длинная телеграмма» американского дипломата Дж. Кеннана, который долгие годы был специалистом по России. С 1933 г. Кеннан был секретарем американского посольства в СССР. Был свидетелем «чисток» 30-х гг., да и всех прелестей сталинского «социализма».

Дж. Кеннан пришел к выводу, что Советы — это не про построение коммунизма. По его выводу, суть советского режима точно такая, как и царской империи — расширение и экспансия для приобретения всё новых сфер влияния. В своей «длинной телеграмме» он призывает правящие круги США не пытаться договориться с Москвой — ибо это бесполезно, а делать всё необходимое для противодействия советскому экспансионизму.

И уже в сентябре 1945 г., после попыток Москвы установить свое влияние в Турции и Греции, в американских документах появляется термин «сдерживание», а на президентских выборах 1948 и 1952 гг. республиканцы выдвигают лозунг «освобождение» (автором концепции был специалист по внешней политике Д. Ф. Даллес). Элиты США в лице демократической и республиканской партий пришли по этому вопросу к консенсусу. Демократы — за «сдерживание». Республиканцы — за более агрессивное давление на Москву — за «освобождение» народов Восточной Европы от власти Москвы.

В 1949 г. появляется Организация Североатлантического договора, а затем и другие военные блоки под эгидой США. Вашингтон искал союзников в противостоянии с Востоком. СССР делал аналогичные шаги.

Считается, что последней каплей в терпении Москвы стало решение 1954 г. о принятии в альянс Западной Германии. В 1955 г. военные силы Бонна становятся частью НАТО. Расколота Германия воспринимается обеими сторонами как форпост своего влияния в Европе.

В Москве на совещании глав социалистического блока в декабре 1954 г. Парижские соглашения о принятии ФРГ в НАТО воспринимают как восстановление «вермахта» (по словам главы румынской делегации Киву Стойки) [1, с. 705].

Оставалась слабая надежда, что призыв СССР к главам западных стран не ратифицировать

Парижские соглашения будет услышан. Но в мае 1955 г. эти соглашения вступили в силу, и это стало Рубиконом.

14 мая 1955 г. в Варшаве был заключен между СССР и просоветскими правительствами Восточной Европы Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи — Организация Варшавского договора (ОВД).

О содержании договора написано много. Например, в «Истории дипломатии» анализируются основные пункты договора, структура управления, цели и значение этого блока [1, с. 707–709]. Отметим лишь наличие статьи 4 в Варшавском договоре, который предусматривал готовность (по сути — обязанность) оказать любую помощь в случае нападения на страну-участницу. Приходит на ум статья 5 Организации Североатлантического договора, которая призывает оказывать любую, в том числе военную и военно-техническую помощь в случае нападения на страну — участницу альянса.

По мнению Д. З. Мутагирова, Организация Варшавского договора напоминает НАТО и по структуре управления, и по формам принятия решений и т. д. [3]. «По форме Организация Варшавского договора почти во всем повторяла НАТО: совместные руководящие органы, объединенное военное командование, возглавляемое советским маршалом или генералом, совместные военные базы. Здесь СССР играл ту же роль, что США в НАТО» [3, с. 298].

Самое главное было то, что ОВД легализовал присутствие в странах социалистического лагеря войск СССР. Это было гарантией (как показали события в Венгрии в 1956 г., в ЧССР в 1968 г. во время «Пражской весны») сохранения просоветских режимов в регионе. Это было фактором сдерживания сил Запада в регионе. Это демонстрировало, что СССР — мировая сверхдержава.

Но это было и символом глобального противостояния между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции. После принятия Хельсинкского акта 1975 г. присутствие советских войск в регионе преподносилось как факт оккупации Восточной Европы, как проявление того самого экспансионизма, который констатировали еще в 1945 г. У. Черчилль и Дж. Кеннан.

По мнению Д. З. Мутагирова, факт обособленно-го проживания войск СССР от местного населения говорит о недружелюбном, если не враждебном, отношении к СССР и его геополитическом влиянии в данном регионе [3, с. 299], в отличие от ситуации с войсками НАТО в Западной Европе, чье население рассматривало их как защиту от советской угрозы.

Здесь мы уже переходим к вопросу о причинах распада ОВД. Фактически какие-либо совместные действия стран-членов прекратились после воссоединения Германии осенью 1990 г. и падений просоветских режимов. В июле 1991 г. ОВД перестал существовать и формально.

Но это был уже итог существования данной организации. Причины же вызревали постепенно, были весьма серьезны и привели к такому финалу для некогда второго по силе военно-политического блока.

Главную причину мы уже обозначили. Это — культурно-исторические факторы.

Мы имеем в виду различные культурные, исторические, цивилизационные модели развития Российской и Западной (романо-германской цивилизации в терминологии славянофила Н. Я. Данилевского, автора знаменитого произведения «Россия и Европа»). Частью романо-германского мира была и Восточная Европа, ставшая сферой влияния Москвы. Но отношения России (а затем СССР) с этими странами были не близкими и часто совсем не дружескими. Чего стоят одни отношения с Польшей. Именно события в Польской Народной Республике стали одной из проблем, которые расшатывали просоветский блок.

Польский оппозиционный профсоюз (фактически — массовая оппозиционная партия) «Солидарность», военное положение, антикоммунистические и антисоветские настроения, плюс давняя историческая вражда с Россией и православием католической Польши не могли не проявиться, как только послевоенная ПНР вышла на стабильное развитие общества. Но далее Польша развиваться хотела не с Москвой, а с Западной цивилизацией, частью которой она всегда была (пусть и периферией).

Аналогичную ситуацию мы встречаем с Чехословакией и Венгрией. События 1956 и 1968 гг. были не чем иным, как попыткой выйти из-под контроля Москвы как цивилизационно чуждого им актора. Очевидно, что Будапешт и Прага, получив свободу от русских, вернулись бы в сообщество европейских народов, коими они всегда и были. Что и случилось на самом деле — как только роль Москвы ослабла.

Румыния тоже никогда не была близка с Россией. Идеологическое единство не помешало диктатору Н. Чаушеску дистанцироваться от СССР после событий в Чехословакии. Румыны увидели в этом возможный сценарий и в отношении себя. К тому времени Бухарест нацеливался на интенсификацию отношений с Западом ради получения кредитов МВФ. И возможность регулировать из Москвы румынскую политику воспринималась болезненно.

Фактически Бухарест после 1968 г. дистанцировался от ОВД и СССР. Кстати, за это аплодировали диктатору Румынии в европейских столицах и в США.

Москва же ничего с этими тенденциями, кроме вооруженного насилия, поделать не могла. Цивилизационные и культурные различия, наконец, исторические счеты, на деле оказались сильнее формационного подхода К. Маркса. Не всё определялось экономическим базисом, когда в дело вступали национальные чувства и исторические счета между народами и странами.

С экономикой как раз всё было неплохо. Заставив страны Восточной Европы де-факто отказаться от американской помощи по плану Маршалла, Москва была вынуждена содействовать индустриализации, модернизации промышленности и сельского хозяйства этих стран. Это была цена за лояльность народов Восточной Европы, которые получали инвестиции и рынки сбыта своих товаров, которые, как показала ситуация в дальнейшем, не очень конкурентоспособны на рынке ЕС. Венгерская сельхозпродукция и автобусы, германская мебель, польская косметика и т. д. находили гарантированный сбыт в СССР, что позволяло этим странам развиваться. Страны «народной демократии» мирились на этом с русским влиянием и коммунистическими режимами.

Но это было до того, пока СССР не стал в период перестройки отказываться от авторитарных методов проведения своей политики внутри и за пределами страны. Как только в странах Восточной Европы увидели, что советские танки не намерены отныне «идти по Праге» (перефразируя известное стихотворение Е. А. Евтушенко) там начали отстранять от власти просоветские режимы коммунистов.

«Бархатные» революции в Венгрии, Чехословакии, Польше, Болгарии, падение Берлинской стены, расстрел Н. Чаушеску в Румынии, отстранение коммунистов от власти в Албании предопределили судьбу Варшавского договора.

СССР, экономически и технологически ослабев, в том числе и потому что нес на своих плечах режимы «народной демократии», при М. С. Горбачеве взял курс на решение внутренних проблем за счет сближения с Западом и сворачивания расходов — в том числе и на содержание социалистического блока.

К середине 1980-х гг. произошло то, о чем писал историк В. О. Ключевский про царский режим, но это оказалось верным и про советскую систему. В «Курсе русской истории» он говорил про «неестественное отношение внешней политики государства к внутреннему росту народа: народные силы в своем развитии отставали от задач, становивших-

ся перед государством вследствие его ускоренного роста, духовная работа народа не поспевала за материальной деятельностью государства. Государство пухло, а народ хирел» [3, с. 11–12]. Наступил момент, когда, не выдержав гонки вооружений с более развитым Западом, СССР решил сосредоточиться на внутренних реформах, отказавшись от великодержавных целей. «Расширение государственной территории, напрягая не в меру и истощая народные средства, только усиливало государственную власть, не поднимая народного самосознания, вталкивало в состав управления новые, более демократические элементы и при этом обостряло неравенство и рознь общественного состава, осложняло народно-хозяйственный труд новыми производствами, обогащая не народ, а казну и отдельных предпринимателей, и вместе с тем принижало политически трудящиеся массы» [Там же].

Мы бы еще хотели дать краткий обзор союзников Москвы по ОВД.

Албания — беднейшая страна в Европе. Конечно, ее потенциал, кроме того, чтобы быть плацдармом на Балканах для советских ВС, не мог дать серьезной поддержки советскому блоку. К тому же после хрущевской оттепели сталинистский режим Э. Ходжи дистанцировался от интересов Москвы, а в 1968 г. официально вышел из ОВД.

Самые преданные Москве по блоку были Болгария и ГДР. Но Болгария также была страной небогатой, а потому ее преданность, помимо благодарности за роль Российской империи в освобождении от османского ига, зиждилась на финансировании бедной аграрной страны из Москвы.

Гораздо лучше было, разумеется, экономическое положение ГДР. Но беда была в том, что на Западе находилось еще одно немецкое государство, которое было экономически развито и в которое восточногерманские немцы периодически сбегали от «прелестей социализма». ГДР был самым верным союзником СССР, так как правящая верхушка коммунистической партии (СЕПГ) понимала, что без помощи русских страна будет поглощена более привлекательной для немцев ФРГ. И, пока была защита коммунистической диктатуры в Берлине со стороны Москвы, пока была всемогущая тайная полиция ГДР («Штази»), режим держался. Но когда М. С. Горбачев вывел из ГДР военный контингент, то сразу пала Берлинская стена и Германия снова стала единой, а СЕПГ канула в небытие.

В ОВД не вошли сильные международные акторы, которые хотя и были социалистическими режимами, но их отношения с Москвой были непростыми, если не конфронтационными в определенные периоды. Эти страны могли бы объективно усилить социалистический блок.

Мы имеем в виду Югославию (СФРЮ), независимый лидер которой — И. Броз (Тито) — в 1948 г. вывел свою страну из-под влияния И. Сталина, переживавшего апогей своего влияния после 1945 г. СФРЮ при Н. С. Хрущеве стало более тесно взаимодействовать с Советами, но речи о том, чтобы войти в ОВД, никогда не было. Президент СФРЮ И. Броз стал одним из лидеров Неприсоединения, которое объединяло страны «третьего мира», заявивших о нежелании развиваться как по пути капиталистических, так и социалистических стран. Режим был коммунистическим, правящей партией была компартия Югославии, но пути этой влиятельной страны в регионе Юго-Востока Европы и в «третьем мире» с Москвой разошлись.

Нельзя не подчеркнуть ситуацию с еще одной крупной социалистической страной, которая никогда не входила в военный блок с Москвой, но всё более расходилась с СССР. Речь о коммунистическом Китае и лидере Коммунистической партии Китая Мао Цзэдуне.

Разойдясь с советским руководством по принципиальному вопросу о политике десталинизации, которая стала проводиться после XX съезда, Мао Цзэдун всё более дистанцировался от Москвы. После вооруженных столкновений между советскими пограничниками и китайскими военными на острове Даманский в марте 1969 г. стало очевидно, что у Москвы нет более такого союзника, как Пекин, ставшего скорее геостратегическим соперником для СССР.

После визита президента США Р. Никсона в КНР в 1972 г. стало ясно, что СССР остается один на один с Варшавским договором против НАТО. Поддержки от коммунистического Китая против мира капитализма ждать не приходилось. Пожалуй, именно тогда стало ясно, что потенциал двух противоборствующих систем несопоставим. Без КНР, с колеблющимися и цивилизационно чужды-

ми союзниками, СССР всё сложнее будет реализовывать свои геополитические цели.

Не случайно вскоре Л. И. Брежнев станет приверженцем политики «разрядки». Не случайно в 1975 г. будет принят Хельсинкский акт, означавший политику сосуществования двух систем, двух блоков. Но это был не мир, а предпоследний акт холодной войны. Это была передышка перед финальным столкновением двух полюсов. В 1979 г. СССР начал военную кампанию в Афганистане, беднейшей стране Среднего Востока, которую бесславно проиграл через 10 лет.

Вскоре начались всё усиливающиеся волнения в Польше во главе с «Солидарностью», за которыми внимательно наблюдали союзники по Варшавскому договору.

Началась программа «звездных войн» Р. Рейгана, оказавшаяся блефом, но удачно шантажировавшая советское руководство возможностью проигрыша в ядерной войне в США.

После договоренности американцев с Саудовской Аравией цены на нефть стали резко падать, что привело к экономическому кризису в СССР и сильно затруднило возможности Москвы участвовать в гонке вооружений.

Итогом стал надрыв системы и системный кризис, приведший к слому советского проекта во время перестройки, ликвидации СССР и Варшавского договора и к отказу от глобального противостояния с Западом. Побеждало, казалось, «новое политическое мышление» М. С. Горбачева, которое провозглашало, что Россия — часть мировой цивилизации и часть Европы, что с Западом нужно взаимодействовать, а не противостоять ему; что нужно восстанавливать забытые при советском проекте рыночную экономику, институт частной собственности, права и свободы человека и т. д. и т. п.

Тем и закончилась холодная война. Тогда всем показалось, что угроза ядерной катастрофы ушла для человечества навсегда.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. История дипломатии. Т. 5. Книга первая / под ред. А. А. Громько и др. М. : Политиздат, 1974. 750 с.
2. Зубок В. М. Неудавшаяся империя. Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М. : АСТ : ОГИЗ, 2025. 672 с.
3. Ключевский В. О. Сочинения. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3 / под ред. В. Л. Янина. М. : Мысль, 1988. 414 с.
4. Мутагиров Д. З. Международные политические институты. Москва : Университетская книга ; Логос, 2009. 384 с.
5. «Новая холодная война» в Азии. Глобальное и региональное измерение / под ред. Д. В. Стрельцова. Москва : Аспект-Пресс, 2025. 285 с.
6. Новейшая история России. 1941–2015 годы : учебник для вузов / под редакцией М. В. Ходякова. Москва : Юрайт, 2026. 300 с.
7. Обеспечение международной безопасности в условиях холодной войны: поиски согласованных подходов : сборник научных статей / Липкин Н. П. и др. М. : Весь мир, 2017. 320 с.
8. Пленков О. Ю. Новейшая история стран Европы и Америки : учебник для вузов. Москва : Юрайт, 2026. 347 с.

9. Пыж В. В. Политология. Политические идеи и концепции власти : учебник для вузов. Москва : Юрайт, 2026. 301 с.
10. Спицын Е. Ю. На фронтах холодной войны. Советская держава в 1945–1985 годы. Москва : Концептуал, 2023. 784 с.

REFERENCES

1. Istoriya diplomatii. Tom 5. Kniga pervaya [History of Diplomacy. Vol. 5. Book one]. Moscow, Politizdat; 1974. 750 p. (In Russ.).
2. Zubok VM. Neudavshayasya imperiya. Sovetskij Soyuz v holodnoj vojne ot Stalina do Gorbacheva [A Failed Empire. The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev]. Moscow, AST Publishing House, OGIZ; 2025. 672 p. (In Russ.).
3. Klyuchevskij VO. Sochineniya. Tom 3. Kurs russkoj istorii. Chast' 3 [Essays. Vol. 3. The Course of Russian History. Part 3]. Moscow, Thought; 1988. 414 p. (In Russ.).
4. Mutagirov DZ. Mezhdunarodnye politicheskie instituty [International Political Institutions]. Moscow, University Book; Logo; 2009. 384 p. (In Russ.).
5. Novaya holodnaya vojna v Azii. Global'noe i regional'noe izmerenie [The New Cold War in Asia. Global and Regional Dimensions]. Moscow, Aspect-Press; 2025. 285 p. (In Russ.).
6. Novejshaya istoriya Rossii. 1941–2015 gody: uchebnyk dlya vuzov [Modern History of Russia. 1941–2015: Textbook for Universities]. Moscow, Yurayt Publishing House; 2026. 300 p. (In Russ.).
7. Obespechenie mezhdunarodnoj bezopasnosti v usloviyah holodnoj vojny: poiski soglasovannyh podhodov. Sbornik nauchnyh statej [Ensuring International Security in the Cold War: Finding Consistent Approaches. Collection of Scientific Articles]. Moscow, The whole world; 2017. 320 p. (In Russ.).
8. Plenkov OYu. Novejshaya istoriya stran Evropy i Ameriki: uchebnyk dlya vuzov [Modern History of European and American Countries: Textbook for Universities]. Moscow, Yurayt Publishing House; 2026. 347 p. (In Russ.).
9. Pyzh VV. Politologiya. Politicheskie idei i koncepcii vlasti: uchebnyk dlya vuzov [Political Science. Political Ideas and Concepts of Power: A Textbook for Higher Education Institutions]. Moscow, Yurayt Publishing House; 2026. 301 p. (In Russ.).
10. Spicyn EYu. Na frontah holodnoj vojny. Sovetskaya derzhava v 1945–1985 gody [On the Fronts of the Cold War. The Soviet Union in 1945–1985]. Moscow, Conceptual; 2023. 784 p. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Д. Х. Саликов — кандидат педагогических наук, доцент кафедры инноватики и управления факультета экономики и управления.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

D. Hk. Salikov — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Innovation and Management, Faculty of Economics and Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 25.05.2026

Принята к публикации / Accepted for publication: 08.06.2026